УДК 94(47).072.5

Е. А. Бочков

«В интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией...». Участие французских делегаций в мероприятиях, посвященных столетию Бородинского сражения в 1912 г.[1]

На два часа после полудня в саду Бородинского дворца «был сервирован завтрак для лиц, приглашенных на торжества, потомков участников Бородинского сражения и начальников отдельных частей». Французы были приглашены на праздничный обед, который давал русский император в саду Бородинского дворца. О степени расположения российских властей к посланцам Третьей Республики свидетельствует тот факт, что руководители французских делегаций за обеденным столом получили весьма почетные места: генерал де Торси занимал шестнадцатое место справа от императора Николая II, а генерал де Лангль де Кари — шестнадцатое место слева от императрицы Александры Федоровны[2]. При этом необходимо отметить, что приглашения на обед получили 1,5 тыс. человек.

Члены французских делегаций не только удостоились высочайшего приема, но и получили от российского императора различные награды и ценные подарки. Генерал де Лангль де Кари был пожалован орденом Белого Орла, майор Бюа — орденом святой Анны 2-й степени, де Рэнти — орденом святого Станислава 2-й степени. Военного атташе полковника Маттона решили не награждать, поскольку «он только прикомандирован к депутации в качестве военного агента

при французском посольстве в Санкт-Петербурге и уже имеет быть награжден в настоящее время по случаю оставления им должности»[3]. Барон де Бай был удостоен ордена святого Станислава 1-й степени, сенатор граф де ля Рибуазьер — ордена святого Станислава 2-й степени со звездой. Бывший советник посольства в Санкт-Петербурге Терно-Компан также получил орден святого Станислава 1-й степени и золотой портсигар стоимостью 270 рублей, секретарь общества "La Sabretache" де Прэо — орден святого Станислава 3-й степени.

Дорогие подарки были преподнесены женам и дочерям французских депутатов. Графиня де ля Рибуазьер получила брошь стоимостью в 500 рублей, госпожа Терно-Компан — брошь ценой в 400 рублей, девица Терно-Компан — брошь в 225 рублей, баронесса де Бай — брошь ценой 350 рублей, девица де Бай — брошь в 270 рублей. Сыну виконта Флери вручили золотой портсигар ценой 135 рублей, а госпоже де Ранти — брошь стоимостью в 200 рублей[4]. Учитывая заслуги барона де Бай перед российской исторической наукой и его вклад в пополнение фондов Музея 1812 г., вынашивалась идея ходатайствовать перед Николаем II о пожаловании баронессе де Бай портрета императора. Однако В. Б. Фредерикс решил об этом предложении «не докладывать его величеству»[5].

Согласно высочайше утвержденной программе, в половине четвертого после полудня был запланирован объезд императором Николаем II Бородинского поля сражения. В объезде памятных мест на Бородинском поле приняли участие и руководители обеих французских делегаций — генерал де Лангль де Кари и генерал де Торси. Инициатива также исходила от российской стороны. Еще 7 (20) августа 1912 г. начальник канцелярии Министерства императорского двора и уделов генерал-лейтенант А. А. Мосолов по поручению барона В. Б. Фредерикса интересовался у начальника Военно-походной канцелярии его императорского величества генерал-лейтенанта В. Н. Орлова: «Не будет ли его величеству угодно пригласить двух французских генералов, состоящих во главе депутаций, участвовать в объезде позиций на Бородинском поле сражения?»[6] 11 (24) августа Военно-походная канцелярия уведомила Министерство императорского двора и уделов, что император повелел пригласить французских генералов участвовать в осмотре позиций на Бородинском поле 26 августа (8 сентября).

В назначенный день в четвертом часу после полудня Николай II в сопровождении великих князей, министра Императорского двора и уделов, дежурных генералов, членов свиты его императорского величества, московского губернатора и глав французских делегаций верхом отправился осматривать поле Бородинского сражения. В течение 1,5 часов император объезжал Бородинское поле и осматривал памятники, установленные в честь русских войск, сражавшихся здесь в 1812 г.

В половине седьмого вечера император Николай II и все великие князья на автомобилях выехали в район Шевардинского редута, где приняли участие в открытии временного памятника погибшим в Бородинском сражении французам. У памятника собрались председатель Совета министров В. Н. Коковцов, военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов, генеральный

консул Франции в Москве, члены французских делегаций в только что пожалованных орденах, представители французской диаспоры Москвы, военные чины. Государственные флаги Франции украшали памятник. На холме вокруг памятника расположилась французская молодежь с флагами русских и французских национальных цветов.

Автомобиль российского монарха остановился метрах в ста от кургана. Николай II вышел из машины и оставшееся до памятника расстояние прошел пешком. Это вызвало умиление и всплеск эмоций у собравшихся. “Vive l’Empereur”, — кричали восторженно французы. Русские отвечали: “Vive la Françe”. Николай II поднялся на помост, сооруженный перед памятником. От имени французов его приветствовал генерал де Лангль де Кари. Приходской священник из католической церкви Святого Луи в Москве аббат Видаль совершил траурную мессу и освятил временный памятник. Николаю II была поднесена медаль, специально отчеканенная в память сооружения памятника французам, погибшим в Бородинском сражении. Такая же медаль позднее была вручена и президенту Франции Р. Пуанкаре. Император Николай II и все великие князья подписали акт об открытии монумента. К памятнику были возложены венки: от всех французских частей, принимавших участие в Бородинском сражении в 1812 г.; от законодательных учреждений Франции; серебряный венок от русской армии и венки от русских воинских частей.

Постоянный памятник (вместо временного макета) французам, погибшим в Бородинском сражении, был установлен лишь спустя год после юбилейных торжеств. Французы оказались предусмотрительными и в 1912 г. перед отправкой обелиска в Россию застраховали его от случайностей. Это позволило им на полученную страховую сумму изготовить новый памятник. Его сделали во Франции по старому проекту, но уже из более скромного вогезского гранита серого цвета. В отличие от предшественника (вырубленного из цельного камня) новый памятник был сделан из трех блоков и имел меньшие размеры. В этот раз французы не решились отправлять обелиск морским транспортом и доставили его в Бородино по железной дороге.

В связи с тем, что торжественное открытие памятника (в действительности — макета памятника) уже состоялось в 1912 г. в присутствии императора Николая II и официальной французской делегации, было принято решение придать этому мероприятию «исключительно частный характер». С такой просьбой обратился к российскому правительству начальник Генерального штаба Франции генерал Жозеф Жоффр[7] во время своего официального визита в Москву летом 1913 г.

Освящение и открытие постоянного памятника состоялось 26 августа (8 сентября) 1913 г. Обелиск представлял собой сужающуюся к верху четырехгранную колонну, установленную на мощном каменном пьедестале. Венчал памятник бронзовый одноглавый орел с распростертыми крыльями и поднятой к небу головой. Новый памятник был ниже своего предшественника, его высота (вместе с орлом) составляла 6,5 м[8]. В 1912 г. судьба оказалась благо-

склонной к символу Франции. Орла не успели изготовить к назначенному сроку. Он не попал на «Курск» и избежал печальной участи. Работы были завершены лишь в ноябре 1912 г. На его отливку потребовалось 1500 кг бронзы. В 1913 г. на постоянный обелиск был установлен именно этот орел, отлитый еще год назад для первого памятника[9]. На восточной стороне обелиска были выбиты фамилия мастера-каменотеса и место изготовления — "Etienne Vagney Vosges" («Этьен. [Коммуна] Ваней. [Департамент] Вогезы»). Ограду с тумбами к церемонии открытия памятника сделать не успели, а начавшаяся через год Первая мировая война (1914–1918 гг.) отодвинула реализацию этих планов на несколько десятилетий. Ограждение было установлено лишь в 1987 г., к 175-й годовщине Бородинского сражения.

На церемонию открытия постоянного памятника в августе 1913 г. в Бородино прибыли: исполняющий должность генерального консула Франции в России Луи Арке, члены исторического общества "Le Souvenir Français", представители французской диаспоры Москвы во главе с председателем местного комитета по сооружению памятника Полем Жаро[10]. Видимо, сама природа вновь протестовала против установки памятника "Aux morts de la Grande Armée" на Бородинском поле. По свидетельству очевидцев, в этот день в Бородине «дул сильный холодный ветер и шел дождь»[11]. Церемония была непродолжительной. Открыл ее глава французского дипломатического ведомства, аккредитованного в Москве. После этого католический священник отслужил заупокойную мессу и окропил обелиск святой водой. Представитель французской диаспоры и член исторического общества "Le Souvenir Français" выступили с краткими речами, посвященными «памяти славных». Журнал «Русский инвалид» сообщал: в связи с тем, что «торжественное открытие уже состоялось в высочайшем присутствии в прошлом году, когда была установлена только модель памятника, теперь ограничились кратким богослужением и небольшими речами в тесном кругу представителей французской колонии»[12].

Возникает вопрос — участвовали ли официальные российские власти в открытии нового французского памятника? 26 августа (8 сентября) 1913 г. в Бородине находились: товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов свиты его величества генерал-майор В. Ф. Джунковский[13]; начальник штаба Отдельного корпуса жандармов Генерального штаба полковник В. П. Никольский[14]; командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии П. А. Плеве; начальник военных сообщений Московского военного округа Генерального штаба генерал-майор М. И. Кияновский[15]; член Государственного совета, московский губернский предводитель дворянства, егермейстер императорского двора А. Д. Самарин; председатель Можайской уездной земской управы, можайский уездный предводитель дворянства тайный советник А. К. Варженевский, митрополит Московский и Коломенский Макарий (в миру — М. А. Парвицкий)[16] и др. Они прибыли для участия в мероприятиях, посвященных 101-й годовщине

Бородинского сражения. Как утверждали в 1913 г. петербургские и московские газеты, участие официальных российских лиц в открытии французского памятника не планировалось.

Однако анализ периодической печати за сентябрь 1913 г. позволяет сделать вывод о том, что без присутствия российских официальных лиц здесь все-таки не обошлось. Согласно газетным публикациям, в церемонии открытия и освящения памятника "Aux morts de la Grande Armée" присутствовали подразделения русской армии (взвод юнкеров и оркестр Александровского военного училища, а также саперная рота, выполнявшая инженерные работы на Бородинском поле). Кто командовал этими подразделениями, не сообщается. Обращает на себя стиль отдельных статей. Авторы стремились «сгладить» факт участия регулярных русских войск в «частном» мероприятии французов. Так, например, 27 августа (9 сентября) 1913 г. газета «Московские ведомости» писала: «Вчера же состоялось освящение памятника французам, павшим на Бородинском поле, сооруженного французской нацией; торжество носило совершенно частный характер, тем не менее, юнкера и саперы совершили прогулку к французскому памятнику, отдали ему честь, оркестры исполнили русский гимн и "Марсельезу"»[17].

«Русский инвалид» более подробно освещает это событие: «Присутствующий здесь взвод юнкеров Александровского военного училища продефилировал пред памятником, а оркестр училища сыграл "Марсельезу". От кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. был возложен к подножию памятника лавровый венок с надписью "Великой армии 1812 г.". Присутствующие члены французской колонии были растроганы теплым участием русской армии и потребовали исполнения гимна "Боже, царя храни", сопровождаемого громким "ура"»[18].

За скупыми газетными строками официальные власти старались скрыть подробности этого мероприятия. Свет на произошедшее 26 августа (8 сентября) 1913 г. проливают мемуары В. Ф. Джунковского. Он писал в своих «Воспоминаниях»: «В Москву я приехал 25 августа и рано утром 26-го выехал на автомобиле в Бородино на освящение памятника павшим французам, который был сооружен на том самом месте против Шевардинского редута, где в прошлом [1912] г. поставлена была временная модель. Теперь она была заменена новым обелиском, привезенным из Франции, точной копией обелиска, погибшего вместе с пароходом Северного общества "Курск" в проливе Каттегат... Вновь поставленный обелиск был из цельной глыбы бургундского гранита[19]. По дороге меня застал ливень, и мой автомобиль застрял в грязи. Я приехал в Бородино уже по окончании торжества, что мне было очень досадно»[20].

Анализируя источники, автор приходит к мнению, что, несмотря на заявления российских властей и французских дипломатов о «частном» характере этого мероприятия, изначально планировалось участие в нем юнкеров Александровского военного училища. Остается непонятным, с какой целью «Московские ведомости» назвали «прогулкой» то, что было «прохождением церемониальным маршем». По нашему мнению, установка на Бородинском поле памятника сол-

датам наполеоновской армии (де-юре и де-факто — иностранным оккупантам) так и не нашла поддержки в российском обществе в начале XX в. Поэтому официальная пресса и старалась «сгладить» неудобные формулировки, подменяя термины. Власть в очередной раз принесла историческую память и национальную гордость России в жертву политической целесообразности.

Завершая статью, необходимо выказать личное отношение автора к участию французских делегаций в мероприятиях, посвященных 100-летию Бородинского сражения. На наш взгляд, приглашение французов в Бородино в 1912 г. — вполне нормальное явления, направленное на укрепление дружественных отношений между двумя великими державами. Изначально мероприятия на Бородинском поле планировались в духе поминовения павших воинов. Франция, направляя своих делегатов в Россию, также скорбела по своим погибшим соотечественникам. Один из членов французской делегации полковник Флёри после возвращения из России писал в 1912 г.: "Notre but n'était d'ailleurs pas de célébrer, en terre étrangère la victoire tactique de la Moskova. Cette victoire a coûté, hélas, bien des larmes, et a été trop tôt suivie de cruelles journées. Ce que nous voulions surtout, c'était honorer les tombes de nos héros, de ces milliers de héros qui reposent là-bas, un peu partout, à Wilna, à Smolensk, aux bords de la Bérésina, comme dans les champs de Borodino ou au cimetière de Moscou" («Наша цель не состояла в том, чтобы отпраздновать на иностранной земле тактическую победу в сражении у реки Москвы. Эта победа стоила, увы, много слез и сопровождалась трагическими днями. Что мы особенно желали — это почтить могилы наших героев, тысяч героев, которые покоятся там всюду, в Вильно, в Смоленске, на берегах Березины, в Бородинских полях и кладбищах Москвы»)[21]. Поведение французских делегаций во время проведения юбилейных мероприятий было, как бы сейчас сказали, политкорректным.

Спокойно, без истерии, надо относиться и к факту установки памятника солдатам и офицерам армии Наполеона, погибшим в Бородинском сражении. В 1812 г. для русских они были агрессорами и врагами. И русская армия, защищая свое Отечество и веру, самоотверженно сражалась с ними. По истечении ста лет воевать с мертвыми — дело недостойное. И в этом контексте принятие российским правительством решения разрешить французам установку памятника — является благородным поступком в духе христианской традиции.

Еще на один аспект данной проблемы автор хотел бы обратить внимание читателей. Большинство российских граждан воспринимают монумент "Aux morts de la Grande Armée" как памятник *французским солдатам*, погибшим в 1812 г. Однако в рядах наполеоновской армии воевали не только французы, но и немцы, итальянцы, испанцы, поляки, литовцы... Гениальность скульптора П.-П. Бёсвильвальда состояла в том, что на гранитном обелиске он высек не "Aux morts de l'Armée Français" («Павшим французской армии»), а "Aux morts de la Grande Armée" («Павшим Великой армии»). Тем самым скульптор увековечил скорбную память обо всех погибших воинах армии Наполеона, независимо от их национальной принадлежности.

В организации юбилейных мероприятий в Бородине в 1912 г. непонимание и неприязнь вызывает не факт приглашения французских делегаций в Россию, а то унизительное поведение, которое продемонстрировали отдельные представители российской власти в стремлении выказать французам «максимальную любезность». Авторитет любого государства (в том числе и Российского) на международной арене начинается с уважения властью и обществом отечественной истории. Нельзя охаивать (осознанно или по недомыслию) историю своей страны, а потом требовать от соседей, чтобы они не переписывали исторические события и не сносили памятники советским воинам, погибшим при освобождении Европы от нацизма в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

---

[1] Начало см.: Петербургский исторический журнал. 2017. № 2.

[2] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579б. Л. 1б.

[3] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 45. Л. 48.

[4] Там же. Л. 50.

[5] Там же. Л. 49.

[6] Там же. Л. 19.

[7] Жоффр Жозеф Жак Сезер (Joffre, Joseph Jacques Césaire) (1852–1931) — французский военный деятель, маршал Франции (1916), член Французской академии (1918); окончил Артиллерийско-инженерное военное училище в Фонтенбло (1872), участвовал в работах по перестройке фортов Парижа, принимал участие в колониальных войнах Франции в Индокитае и Африке; член (1910), вице-председатель (с 1911) Высшего военного совета; начальник Генерального штаба (1911–1914), главнокомандующий французской армией (1914–1916), глава французской военной миссии в США, а затем в Японии (1917–1918). Кавалер Большого креста ордена Почетного легиона (1914).

[8] *Смирнов А. А.* Доблесть бессмертна. Памятники Отечественной войне 1812 года на территории России. М.: Вече, 2012. С. 146.

[9] Les monuments Frainçai de centenaire de 1812 et les ceremonies de Borodino et de Moscou. Avec les discourse prononcés a Schwardino le 8 septambre 1912. Paris; Nansy: Librairie militaire Berger-Levrault, 1912. P. 7.

[10] См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 27 августа (9 сентября). № 191.

[11] Русский инвалид. 1913. 29 августа (11 сентября). № 185.

[12] Там же. 28 августа (10 сентября). № 184.

[13] Джунковский Владимир Фёдорович (1865–1938) — российский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант (1917). Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус (1882); 23 декабря 1891 г. назначен адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В связи с назначением великого князя Сергея Александровича командующим войсками Московского военного округа В. Ф. Джунковский 12 января 1905 г. был освобожден от должности адъютанта московского генерал-губернатора и назначен адъютантом командующего войсками Московского военного округа. После убийства великого князя Сергея Александровича В. Ф. Джунковский 12 августа 1905 г. был назначен московским вице-губернатором, а 11 ноября — исполняющим должность губернатора; 6 августа 1908 г. утвержден в должности московского губернатора; 25 января 1913 г. назначен товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов. В отставке с августа 1915; осенью 1915 г. по личной просьбе отправлен на фронт, командовал бригадой, затем стрелковой дивизией на Западном фронте, 4 октября 1917 г. назначен командиром 3-го Сибирского армейского корпуса; после Октябрьской революции В. Ф. Джунковский был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, но вскоре освобожден. 6 мая 1919 г. Московским

революционным трибуналом был признан «опасным для Советской власти» и приговорен к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны в России. 30 ноября 1920 г. Московский ревтрибунал, вновь рассмотрев дело В. Ф. Джунковского, приговорил его к 5 годам тюремного заключения за участие в подавлении Московского восстания 1905 г. 28 ноября 1921 г. постановлением ВЦИК освобожден по состоянию здоровья. После освобождения работал церковным сторожем, давал частные уроки французского языка. В 1920-х гг. работал над воспоминаниями. В декабре 1937 г. вновь арестован, 21 февраля 1938 г. специальной тройкой НКВД приговорен к смертной казни. Расстрелян в этот же день.

[14] Никольский Владимир Павлович (1873–1960) — российский военный деятель, генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1899). Состоял при Московском военном округе. Прикомандирован к Московскому военному училищу для преподавания военных наук (1903–1905); старший адъютант штаба Московского военного округа (1905–1911 гг.); в 1911–1913 гг. преподавал военные науки в Александровском военном училище; начальник штаба Отдельного корпуса жандармов (1913–1917); с 30 апреля 1917 г. состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. Участник Гражданской войны в России — воевал в рядах Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Эмигрировал в Болгарию.

[15] Кияновский Михаил Иванович (1867–1917) — российский военный деятель, генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1893). Заведующий передвижениями войск по железным дорогам и водным путям Вяземско-Уральского района (1898–1904); начальник отделения Главного Штаба (1904–1905); начальник отделения Главного управления Генерального штаба (1905–1907); командир 16-го стрелкового полка (1907–1911); начальник военных сообщений Одесского военного округа (1911–1912); начальник военных сообщений Московского военного округа (с 30.11.1912). Помощник главного начальника снабжений армий Северного фронта (с 4 октября 1915); главный начальник снабжений армий Румынского фронта (с 14 декабря 1916); главный начальник снабжений Западного фронта (12 апреля — 5 июля 1917).

[16] Митрополит Московский и Коломенский Макарий (в миру — Михаил Андреевич Невский, при рождении — Парвицкий) (1835–1926) — митрополит Московский и Коломенский (1912–1917); окончил Тобольское духовное училище, а затем — Тобольскую духовную семинарию (1854); в 1855 г. поступил на службу в Алтайскую духовную миссию, занимался миссионерской деятельностью; в 1883–1891 гг. возглавлял Алтайскую духовную миссию; с 1908 г. — архиепископ Томский и Алтайский; с ноября 1912 по март 1917 г. — митрополит Московский и Коломенский. После Февральской революции определением Святейшего Синода от 20 марта (2 апреля 1917) уволен с Московской кафедры «за преклонностью лет» на покой. Поместный собор (15 (28) августа 1917–7 (20) сентября 1918), рассмотрев ходатайство Макария, реабилитировал его, но официально об этом не объявил и не восстановил в прежней должности. 19 августа 1920 г. Священный Синод вынес определение «о пожизненном бытии состоящему на покое митрополиту Макарию» — митрополитом Алтайским.

[17] Московские ведомости. 1913. 27 августа. № 197.

[18] Русский инвалид. 1913. 29 августа. № 185.

[19] Утверждая, что новый памятник павшим французам представлял собой цельную глыбу бургундского гранита, В. Ф. Джунковский ошибается. Второй вариант памятника (1913 г.) был изготовлен из вогезского гранита и состоял из трех частей (для удобства транспортировки по железной дороге). Ошибочность суждения В. Ф. Джунковского связана с тем, что над своими мемуарами он работал значительно позже описываемых событий (в 1922–1937) и не всегда имел доступ к архивным документам.

[20] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 240.

[21] *Dry A. (colonel Fleuri).* Les monuments Français de centenaire de 1812 et les ceremonies de Borodino et de Moscou. Paris; Nancy: Librairie militaire Berger-Levrault, 1912. P. 5.

References

DRY A. (colonel Fleuri). *Les monuments Français de centenaire de 1812 et les ceremonies de Borodino et de Moscou*. Paris; Nancy: Librairie militaire Berger-Levrault, 1912.

Les monuments Français de centenaire de 1812 et les ceremonies de Borodino et de Moscou. Avec les discourse prononcés a Schwardino le 8 septambre 1912. Paris; Nansy: Librairie militaire Berger-Levrault, 1912.

DZHUNKOVSKY V. F. *Vospominanija* [Memories. In Russ.]: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sabashnicovs' Publishing house, 1997.

SMIRNOV A. A. *Doblest bessmertna. Pamyatniki Otechestvennoy voyne 1812 goda na territorii Rossii* [Valour is immortal. Monuments to the Patriotic war of 1812 on the territory of Russia. In Russ.]. Moscow: Vece Publ., 2012.

Список литературы

Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.

Смирнов А. А. Доблесть бессмертна. Памятники Отечественной войне 1812 года на территории России. М.: Вече, 2012.

Dry A. (colonel Fleuri). Les monuments Français de centenaire de 1812 et les ceremonies de Borodino et de Moscou. Paris; Nancy: Librairie militaire Berger-Levrault, 1912.

Les monuments Frainçai de centenaire de 1812 et les ceremonies de Borodino et de Moscou. Avec les discourse prononcés a Schwardino le 8 septambre 1912. Paris; Nansy: Librairie militaire Berger-Levrault, 1912.

**Е. А. Бочков. «В интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией…»
Участие французских делегаций в мероприятиях, посвященных столетию
Бородинского сражения в 1912 г.**

В статье рассказывается об участии французских делегаций (официальной — от Военного министерства, и общественной — от исторических обществ "Le Souvenir Français" и "La Sabretache") в мероприятиях, проходивших в России в 1912 г. в связи с празднованием столетия Отечественной войны 1812 г. Автор также освещает малоизвестные страницы истории создания и установки на Бородинском поле сражения в 1912–1913 гг. памятника офицерам и солдатам армии Наполеона, погибшим в Бородинском сражении в 1812 г.

Ключевые слова: Николай II, Отечественная война 1812 г., Бородинское сражение, юбилей, французская военная делегация, общественная организация "Le Souvenir Français", военно-историческое общество "La Sabretache".

**E. A. Botchkov. "For the benefit of maintenance of our sincere relations with France…"
The participation of the French delegations in events devoted to 100-anniversary
of the Borodino battle in 1912**

The article tells about the participation of the French delegations (official — from the Ministry of Defense, and public — from the historical associations "Le Souvenir Français" and "La Sabretache") in events hold in Russia in 1912 devoted to the celebration of the 100-anniversary of Patriotic war of 1812. The author also covers the little-known facts of the history of creation and installation on the Borodino battlefield in 1912–1913 of the monument to officers and soldiers of the Napoleon Army, died at the Borodino battle in 1812.

Key words: Nicholas II, Patriotic War of 1812, Borodino battle, anniversary, French Military delegation, Public delegation "Le Souvenir Français", Military-historical association "La Sabretache".

Бочков Евгений Анатольевич — д.и.н., профессор, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва.
Botchkov Evgeny Anatolievich — Dr. of Sciences (History), Professor, Khruliov Military Academy of material logistics.
E-mail: be57@yandex.ru